

ИЗ ПРОШЛОГО ФИЛОСОФИИ

Р. АРОН

МАРКСИЗМ И МЕТАНАУКА

На прошлой неделе я попытался определить вам тему курса лекций, а также поделился с вами своим интеллектуальным опытом. Речь в основном идет о том, чтобы применить к истории — к исторической реальности, к историческому знанию — две философии или два способа философствования. Философия герменевтической традиции, феноменологического или экзистенциалистского типа старается описать, разработать и понять историчность человека; философия же аналитического типа началась с логики и охватила анализ всех языков и дискурсов; в то же время она охватила источники и памятники, сравнимые с языком. По крайней мере, можно сказать, что обе традиции похожи друг на друга, но я буду исходить из их противоположности.

Историчность человека имеет три смысла:

а) человек как общественное существо всегда предстает только в историческом облике. Он несет на себе отпечаток того изменяющегося общества, к которому он принадлежит. Утверждение, что человек есть историческое существо тождественно утверждению, что он существо социальное;

б) можно подчеркнуть тот факт, что социализация предполагает наложение отпечатка настоящего и прошлого на человеческий дух;

в) наконец, существует еще более глубокий смысл: человек историчен, потому что он способен думать о своем прошлом, отрывать от него и представлять себе будущее. Термин «история», понимаемый в более глубоком смысле, означает не просто изменение, а такое изменение, когда тот, на ком оно сказалось, осознает это и стремится его осмыслить. Аналитическая философия как логика истины никогда не ищет истоки исторического познания в историческом субъекте. Она выясняет, когда и при каких условиях суждения о прошлом могут быть истинными. В принципе она готова постулировать: 1) что у историка есть только одна цель — установление истины; 2) что истина не зависит от природы исследуемого объекта (логическая строгость, связь суждения с объектом). В природе объекта ее интересуют только две специфические особенности: исторические высказывания касаются прошлого как такового; поскольку исторические высказывания составляют структуру самого повествования, они касаются взаимосвязи событий.

Поскольку изначально аналитическая философия отождествляет себя с логическим позитивизмом, она стремится навязать познанию единственную форму, рассматриваемую как единственно научный подход. Она сталкивается с препятствием, которое связано с телеологическим характером деятельности человека. Может ли историк объяснить причины войны 1914 года в том же ключе, в каком, например, геолог объясняет причины лавины? Сразу возникает классический диалог между пониманием и аналитической философией. Последняя в известных случаях расширяет теоретические рамки логического позитивизма для учета специфики человеческой деятельности. Вообще логический позитивизм, игнорирующий сознание и душу и изучающий только объективный мир, с трудом признает тот факт, что акты наблюдений, дающие возможность верификации, предполагают общение между людьми, интересубъективность, — короче, все то, что он намеревался исключить.

Лично я применил кантианские вопросы к историческому познанию, интерпретируемому согласно герменевтическим традициям. Я рассуждал не как логик и не в духе аналитиков или логических позитивистов, а согласно тому, что когда-то называлось *теорией познания*. Стало быть, я без труда принял ссылку на субъект — либо трансцендентальный, либо конкретно исторический.

Историческая традиция связана с Германией, а аналитический метод — с Англией или Америкой. Что представляет собой французская литература, посвященная проблемам истории или исторического познания? Сейчас я разделю эту литературу на несколько групп.

Начнем с различия книг, написанных профессиональными историками, размышляющими о своей науке, и книг, написанных философами или логиками. Книги историков можно также разбить на две группы: на книги историков, знакомых с трудами философов, и тех, которые не пожелали прочесть философские труды или прочитали их, но не поняли или во всяком случае не приняли их к сведению.

К первой группе относятся две важные работы: работа А. И. Марру «Об историческом познании» и недавно изданная книга П. Вейна «Как пишут историю». Как явствует из этой работы, П. Вейн не так хорошо знает историческую литературу, как Марру, он все же неплохо знаком с трудами американских, английских и немецких аналитиков (Штегмюллера, например). Он анализирует проблемы исторического познания одновременно как историк и как знаток логики и философии исторического познания.

Во вторую группу входят работы историков, которые говорят о своем ремесле, не участвуя в дискуссиях философов. К таким историкам относится М. Блок — вероятно, самый крупный историк XX века. Он написал книгу «Апология истории или ремесло историка». Это книга ремесленника, причем гениального ремесленника без философской подготовки. Ее стоит прочесть, она представляет собой своего рода критерий различения проблем, которые ставит философ, и проблем, изучаемых историками. К этой же группе можно отнести книгу Л. Февра «Бои за историю». Нельзя также не вспомнить недавно изданный Ф. Броделем сборник статей, посвященных историческому познанию. Следует упомянуть и о специальном номере журнала «Communications», в котором публикуются в основном историки и который посвящен проблемам события.

Если теперь мы обратимся к работам по истории, написанным философами или логиками, то следует заметить, что в связи с изучением общих логических вопросов в Англии, США и Германии появились труды, посвященные специальной проблеме исторического познания. Но, насколько мне известно, такой литературы во Франции нет: все французские логики занимаются чистой логикой, математической логикой, но я не знаю ни одной работы аналитического философа как логика, в которой, исходя из общих логических вопросов (например, какова природа научного объяснения?) рассматривались бы проблемы исторического объяснения. Вот почему, когда я буду анализировать эти проблемы, я буду ссылаться только на работы английских, немецких и американских философов.

Но зато во Франции можно встретить работы философов, которые, не будучи логиками, затрагивают проблемы исторического познания, исходя из общей философии. В течение последних двадцати пяти лет этот подход к изучению исторического познания был наиболее распространенным. Возможно, сегодня он менее популярен, но, тем не менее, он существует. Философы, пришедшие к проблематике исторического познания, исходя из философии, являются в основном экзистенциалистами: так, опосредовано излагал теорию исторического познания Сартр. Мерло-Понти в конце своей книги «Феноменология восприятия» приходит также к проблемам исторического познания. Кроме того, в двух своих последних работах — «Приключения диалектики» и «Гуманизм и террор» — он имплицитно, исходя из общей философии, затрагивает те же проблемы.

К той же группе относятся две другие книги философов: с одной стороны, это небольшая книжка Маритена «За философию истории», а с другой — П. Рикера «История и истина». Альтюссер, который несколько лет назад был в центре внимания, принадлежит к той же группе, но выделяется особо; исходя из философской интерпретации целостности, он тоже рассматривает проблемы исторического познания, но нельзя сказать, что он когда-либо излагал философию, которую можно сравнить с философией Сартра или Мерло-Понти. На самом деле он попытался реинтерпретировать марксизм, исходя из того, что я назвал бы *метанаукой* или детерминистской

теорией. Можно сказать, что, с одной стороны, Сартр и Мерло-Понти, а с другой — Альтюссер в основном упражнялись в следующем: каждый из них, исходя из собственной метанау-ки, то есть из собственного понимания исторического познания, и в соответствии со своим пониманием философии целостности, по-новому истолковывает марксизм.

Можно привести третью группу книг, в которых рассматриваются некоторые аспекты реальности и исторического познания. В этой связи заслуживают внимания два эссе, причем по разным причинам: речь идет о книге П. Вандриеса «О вероятности в истории», в которой увлекательно и интересно изложены вероятностные расчеты, которыми может заниматься исторический деятель (в работе много страниц посвящено ретроспективному вероятностному подсчету, которые делал Наполеон при преодолении английской блокады и высадке его экспедиционного корпуса в Египте). Речь идет также о книге Ф. Ариеса «Время истории».

К четвертой группе можно отнести книги, которые, не будучи собственно книгами по философии истории в духе Гегеля или О. Конта, тем не менее, дают общее представление о развитии человечества. Среди книг, которые я включаю в эту группу, называемую мной «заменители философии истории», можно назвать две: это книга Р. Груссе «Итог истории» и работа Ш. Моразе «Логика истории». К ним можно также добавить книгу Пиренна «Главные направления всеобщей истории».

К пятой группе можно отнести работы, которые с точки зрения тематической направленности мало связаны между собой. Сюда относятся труды, касающихся отдельных отраслей истории: например, это книги, в которых затрагиваются проблемы истории наук или теоретические книги по истории наук, или же книги по истории философии, в которых используется определенный метод интерпретации философских учений и в которых в этой связи предлагается философия истории философии.

Что касается истории наук, то здесь огромное влияние оказали два человека. Это, прежде всего, Кангийем, который написал книгу по истории биологии. В ней он постарался показать, в чем заключается история наук, рассматриваемая через призму специфики научного труда. При анализе исторических проблем он указывает на фундаментальное различие между историей событий и историей научных трудов: история событий — это история того, что произошло: сражений, экономических кризисов, государств, империй. Что касается истории трудов, то это история интеллектуального созидания: науки, литературы, религии, которые вытекают из мира событий и имеют свою специфику, связанную с самой природой научной, религиозной и другой деятельностью. Можно в этой связи назвать работу Ф. Жакоба «Логика живого». Она представляет собой историю биологии и вместе с тем имплицитно интерпретацию истории биологии и вообще истории наук в той мере, в какой в ней излагается простая, но в то же время фундаментальная идея, заключающаяся в том, что в каждую эпоху биологи или вообще ученые являются пленниками системы понятий, методов постановки или решения проблем. Эти методы дают им возможность видеть некоторые вещи и не замечать другие. Но они не дают возможности использовать некоторые открытия, которые спустя тридцать лет получили огромный резонанс. Самым классическим и вместе с тем самым банальным примером, известном вам всем, является открытие законов Менделя самим же Менделем в 1872 или 1873 году. Вопреки распространенному мнению, Мендель вовсе не был неизвестным человеком в научном мире. Верно что он был церковнослужителем, но занимался наукой. И если законы Менделя не вошли в биологию в его время, то только потому, что методы постановки проблем не позволяли использовать результаты, полученные путем изучения приобретенных признаков. Спустя тридцать лет в 1899 и 1902 годах три биолога одновременно вновь открыли законы Менделя, и с тех пор эти стали известны всему миру: законы наследственности представляют собой магистральный путь, позволивший постепенно анализировать принцип наследственности и таким образом подойти к исследованию живой материи. Этот пример показывает типичную прерывистость истории наук и свидетельствует о том, что такое интерпретация этой истории, когда она рассматривается через призму специфической структуры интеллектуального труда.

То же самое можно сказать о книгах по истории философии, в которых разными методами излагается история философии: А. Гуйе, например, написал две книги, одна из которых называется «История и ее философия», а другая — «Философия и ее история». В обоих сочинениях рассматриваются теория познания вообще, философия истории, а также специфика познания прошлого философии и различные способы его интерпретации.

Я даже мог бы сказать, что современные дискуссии о литературоведении являются вкладом в историю литературы: в самом деле, споры вокруг старого и нового литературоведения касаются в основном вопроса о том, что собой представляет литературоведение, в чем заключается интерпретация произведения и что делают критик или историк. Такого рода вопросы ставят под сомнение собственную природу литературных произведений. Как историк наук интересуется специфическим характером наук, так историк литературы, если эн не хочет редуцировать эту историю к истории литературных событий, то есть к датам появления сочинений, к влиянию окружения и т. д., а он хочет изучать историю произведения, то он не может не ставить те же проблемы, что и ученый. И он должен задаваться вопросами о специфической природе произведения, которую он стремится либо объяснить, либо понять и постичь ее собственный смысл.

К такого рода истории относится книга моего коллеги Мишеля Фуко, который излагает главным образом прерывистую историю произведений, настаивая на прерывистости различных периодов человеческой мысли. Фуко возрождает некоторые идеи Кангйема, но генерализирует метод: он не ограничивается анализом состояния науки с помощью системы понятий, которые составляют объект изучения или с помощью идей, которые ориентируют исследование. Он стремится доказать, что направляющие идеи трех дисциплин — биологии, лингвистики или грамматики и политической экономии — одни и те же, что якобы дает возможность говорить о моментах человеческой мысли и о их прерывистости. Иногда он также пишет о конце человека — человека в том смысле, в каком для него человек был открыт сравнительно недавно, го есть примерно сто пятьдесят лет назад.

Вот главное о литературе, которую вы можете найти по проблемам философии истории; это книги, опубликованные за последние двадцать пять лет.

Один вопрос нас ведет к проблеме, которую я хотел бы рассмотреть: анализируют ли историк и философ одни и те же проблемы? Интересует ли историков то, что философы и логики пишут об истории? Справедливости ради следует сказать: бывает, что историки не очень сильно интересуются тем, что логики или философы им говорят о своей деятельности. Некоторые историки серьезно относятся к спорам логиков и философов: я привел вам два примера: это историки Марру и Вейн. Однако во всей многочисленной корпорации историков они составляют исключение. С другой стороны, у логиков и философов нередко возникает ощущение, что историки — несколько наивные люди, что они все еще не очнулись от того, что Кант называет «догматическим сном». Они полагают, что многие историки не осознают проблематичности исторической реконструкции, что они воображают, будто исторический рассказ заранее в готовом виде существует в действительности.

Помимо всего прочего, в диалоге философов и логиков, с одной стороны, и историков — с другой, существует дополнительная трудность, которой нет между философами и физиками. Конечно, нередко что многие физики тоже не интересуются тем, что говорят философы о физике, но, тем не менее, это разные вещи: само собой разумеется, что физика — это данные; она включает в себя совокупность высказываний, которые могут быть верифицируемы настолько, насколько могут быть верифицируемы физические высказывания. Зато не все историки говорят одно и то же и не все они приходят к одним и тем же выводам. Данные физики в достаточной мере верифицируемы, и экспериментальная работа физика пользуется авторитетом у логика или философа. Но когда речь идет об истории, нельзя утверждать то же самое. В самом деле, если даже допустить, что историки или социологи без тени сомнения установили огромное число фактов, все равно нельзя сказать, что в исторической науке имеется система понятий, которую

можно сравнить с системой понятий в физике. Нельзя также сказать, что в социологии общая теория играет такую же роль, какую играет общая физическая теория. В прошлом году я попытался доказать, почему социология не располагает теорией, которую можно было бы сравнить с физической теорией. Скажу больше, социология не имеет даже эквивалента экономической теории.

Поэтому если историк и философ не всегда понимают друг друга, когда говорят об истории, их, тем не менее, можно извинить: во-первых, тот, кто занимается той или иной научной деятельностью, не обязан думать об этой деятельности; во-вторых, философ не обязан считать ту или иную историческую практику единственно верной. Вопреки этому недоразумению, в своих лекциях я буду развивать те убеждения и те теоретические положения, согласно которым историки и логики тем не менее занимаются одними и теми же проблемами, хотя они не всегда рассматривают их на одном и том же уровне абстракции.

Итак, каковы вообще основные проблемы, относящиеся к историческому познанию? Здесь я назову их в той последовательности, в какой я потом буду их анализировать.

Первая проблема, которая, может быть, включает все трудности, состоит в следующем: в какой мере историческое познание или познание некоторых человеческих реальностей представляет собой специфическую науку? Имеет ли это познание такой же характер, какой имеет познание природы? Такое историческое познание можно определить либо через единичное, либо через рассказ, либо через характерные признаки известных феноменов. Единичное: историк интересуется Марафонской битвой, а не битвами вообще. Рассказ: некоторые историки в хронологическом порядке излагают то, что произошло, как это делал Фукидид, когда описывал Пелопоннесскую войну, и в этой связи возникает вопрос о том, насколько познание как рассказ относится к той же категории и представляет те же характерные черты, какие имеет экспериментальное или теоретическое познание, например, в физике. Познание характерных признаков: когда историк в качестве объекта исследования берет культуру или творения духа, он имеет в виду реальности, которые мыслились людьми. Но они не могут быть абстрагированы от смысла, придаваемого им теми, кто их создал или пережил, или от смысла, который придавал им историк. Из этого характерного признака объекта исследования следуют некоторые особенности исторического познания.

Эту общую проблему исторического познания можно разбить на два больших вопроса: 1) правомерно ли, обязательно ли различать то, что логические позитивисты называют словом «объяснить», а историки — словом «понимать»? Слово «понимать» — перевод немецкого слова «Verstehen», получившего в герменевтической традиции со времен Дройзена и особенно Дильтея специфический смысл. Добавлю, что противопоставление объяснения и понимания можно еще встретить у некоторых англосаксонских аналитиков: так, например, недавно появилась книга одного финского аналитика под названием *Explanation and Understanding*¹. В ней действительно речь идет о противопоставлении объяснения и понимания.

Вторая группа проблем, связанных с историческим познанием, касается, прежде всего, отношений между единичным и общим: допустив, что историк интересуется единичностью Марафонской битвы, но, тем не менее, он может исследовать эту битву только с помощью общих понятий, например, такого понятия, как битва вообще. Кроме того, в историческом познании наблюдается вечное колебание или неопределенность в том, что я называю микро и макро. Если взять экономическую теорию, то можно выделить микроэкономическую теорию, в центре внимания которой находятся экономические субъекты и установление рыночных балансов, исходя из потребителя и индивидуального производителя, и макроэкономическую теорию, которая применяет общие понятия либо к анализу валового национального продукта, либо к исследованию

¹ Речь идет о книге Г. Х. фон Фригта «Объяснение и понимание». На русский язык она была переведена в 1986 году // См: Г. Х. фон Фригт. Логико-философские исследования. Избранные труды / Пер. с англ. М., 1986 (Прим. переводчика).

условий развития национального производства. Таким образом, существует макроэкономическая теория развития, и различение «макро» и «микро» в политической экономии теперь стало классическим. Когда вы излагаете историю, вы сталкиваетесь с проблемами отношений между микроскопическими и глобальными событиями, то есть между элементами событий и крупными вехами истории. Нет рассказа, который не включал бы в себя массу микроскопических событий более или менее панорамного видения истории. Кроме противопоставления единичного и общего, микро и макро, существует также противопоставление части и целого. Действительно, всегда пишут только историю чего-нибудь: пишут историю литературы, историю войн, историю экономики, но можно ли написать историю целого или, выражаясь словами Сартра, «историю тотальности»? И в той мере, в какой всякая история является частной историей, верно ли, как утверждают многие, что частная история — это пристрастная история? К сказанному добавлю, что между событиями и творениями также существует противоречие.

Наконец, третий важный вопрос, о котором спонтанно спорят философы и историки, касается объективности исторического познания: обязательно ли воспроизведение прошлого связано с позицией самого исторического субъекта, живущего в обществе и воспринимающего прошлое с определенной точки зрения? Или же, как обычно утверждают аналитики, историческое познание имеет такой же объективный характер, такое же универсальное значение, как всякого рода истинное суждение?

Вот вам, после анализа литературы перечень тех проблем, которые я буду рассматривать в течение этого года.

Прежде чем коснуться главной темы, где историки соприкасаются с аналитиками, я хотел бы затронуть одну менее строгую и менее абстрактную тему, которая нам даст возможность остаться в пределах французской интеллектуальной жизни. Я хочу затронуть проблему реинтерпретации марксизма во французской литературе за последние двадцать пять лет. Почему именно эта проблема? Потому что именно она оправдывает выбор этого курса лекций. Дело в том, что данный выбор был продиктован убеждением, что способ интерпретации исторического познания решающим образом сказывается на смысле суждений о прошлом, или на интерпретации прошлого. Я хочу показать, что фундаментальные положения марксизма могут получить совсем другой смысл в соответствии с метанаукой, на основе которой их интерпретируют, или, если вы предпочитаете менее претенциозное и более простое выражение, в соответствии с философией целого, в свете которой их интерпретируют.

Я рассмотрю три интерпретации фундаментальных положений марксизма:

1) Первая интерпретация исходит из того, что основные положения марксизма сводятся: к раскрытию законов исторического развития. Эту интерпретацию можно найти в работах самого Маркса, который, действительно, время от времени представляет главные результаты своих исследований в виде законов исторического развития: наиболее общий закон этого развития, закон развития общественных формаций или общественно-экономических систем.

2) Вторая интерпретация фундаментальных положений марксизма связана с экзистенциалистами, с Сартром и Мерло-Понти. Я покажу, во что превращаются эти положения в их реинтерпретации через призму герменевтической и феноменологической, а также специфически экзистенциалистской традиции.

3) Третья интерпретация принадлежит Альтюссеру, который в свете некоей теории воспроизводит совсем другой смысл.

Фундаментальные положения марксизма, которые я беру за отправную точку, таковы: возьмем классический текст — отрывок из «Послесловия» ко второму изданию «Капитала», — где Маркс цитирует одного русского комментатора, излагающего то, что Маркс хотел сделать: «Для Маркса важно только одно: найти закон тех явлений, исследованием которых он занимается. И при этом для него важен не один закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, еще важен закон их изменчивости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от

одного порядка взаимоотношений к другому. Раз он открыл этот закон, он рассматривает подробнее последствия, в которых закон проявляется в общественной жизни... Сообразно с этим Маркс заботится только об одном: чтобы точным научным исследованием доказать необходимость определенных порядков общественных отношений и чтобы возможно безупречнее констатировать факты, служащие ему исходными пунктами и опорой. Для него совершенно достаточно, если он, доказав необходимость современного порядка, доказал и необходимость другого порядка, к которому непременно должен быть сделан переход от первого, все равно, думают ли об этом или не думают, сознают ли это или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественноисторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами еще определяющие его волю, сознание и намерения...»² Другими словами, интерпретация заключается в том, что Маркс, с одной стороны, устанавливает необходимые законы капиталистического функционирования, а с другой — законы перехода от буржуазного строя к другому строю. Немного ниже русский критик добавляет: «Старые экономисты не понимали природы экономических законов, считая их однородными с законами физики и химии... Более глубокий анализ явлений показал, что социальные организмы отличаются друг от друга не менее глубоко, чем организмы ботанические и зоологические... Одно и то же явление, вследствие различия в строе этих организмов, разнородности их органов, различий условий, среди которых органам приходится функционировать, и т. д., подчиняется совершенно различным законам»³. Отсюда следует, что в соответствии с историцистской перспективой экономические законы, или законы производства, действительны для одного строя, а не для всех.

В такого рода отрывках марксистская мысль представлена как теория макроисторического развития, или как теория установления законов, в соответствии с которыми функционируют и изменяются общественные системы. В такой интерпретации налицо объективация исторической действительности, подмена пережитой реальности общественными отношениями, не зависящими от сознания людей. Налицо детерминизм: сознание и субъективность не исключаются, но они сводятся к второстепенным явлениям, поскольку сущность исторических законов проявляется в соответствии с неумолимо строгим детерминизмом, а людьми распоряжаются, управляют или манипулируют эти законы, и люди не в состоянии их изменить.

Второй марксистский отрывок, на который я хочу обратить внимание, — это «Предисловие» к первому изданию «Капитала», где речь идет о том, что, по словам Маркса, Англия является классической страной буржуазного способа производства, и поэтому лучше всего иллюстрирует его теоретические выводы. Этот отрывок очень известен: «Физик или наблюдает процессы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде. Предметом моего исследования в настоящей работе является *капиталистический способ производства* (курсив Арона. — Перев.) и соответствующие ему *отношения производства и обмена* (курсив Арона. — Перев.). Классической страной этого способа производства является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов. Но если немецкий читатель станет фарисейски пожимать плечами по поводу условий, в которые поставлены английские промышленные и сельскохозяйственные рабочие, или вздумает оптимистически успокаивать себя тем, что в Германии дело обстоит не так плохо, то я должен буду заметить ему: *De te fabula narratur!* (Не твоя ли история это!)»⁴.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 20.

³ Там же. С. 21.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 6.

Таким образом, Англия представляет собой типичный пример капиталистического способа производства, но исследование этого способа производства через призму типичного примера сразу позволяет понять главные механизмы функционирования капиталистического строя. Тем не менее, эта констатация не снимает вопроса, по которому Маркс тоже много писал и который заключается в выяснении того, насколько пример развития Англии приемлем для всех стран и какие варианты в данном случае возможны.

Третий отрывок, который я использую в качестве отправной точки, находится в «Предисловии К критике политической экономии». Маркс резюмирует выводы, к которым он пришел в своих исследованиях: «Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальные, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»⁵.

Это новый пример того, что я называю *объективистской* или *объективированной* версией марксизма: общественный строй определяется производительными силами; определенной ступени развития производительных сил соответствует определенное состояние производственных отношений; сознание определяется общественным бытием человека; есть юридическая, духовная и моральная надстройка, которая возвышается над базисом. Но, как говорит сам Маркс, речь идет об исследовании материального базиса теми же методами, которые используются в естественных науках.

И, наконец, хочу вам представить последний отрывок, взятый из «Манифеста Коммунистической партии»: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»⁶.

Эти классические отрывки представляют классическую версию марксизма, которая во многом стала марксизмом II Интернационала и с соответствующими изменениями марксизмом III Интернационала. Этот марксизм можно охарактеризовать так: марксизм есть наука о законах исторического развития; человек способен познать законы этого развития, объективируя историческую действительность, если даже эта действительность дана непосредственно в виде жизненного опыта исторических субъектов. Вместе с тем общественно-экономический строй определяется в основном производительными силами и производственными отношениями. Сознание людей определяется их общественным бытием. Поэтому даже если мы можем осознать законы, управляющие нашим собственным развитием или развитием общества, в котором мы живем, все равно мы не можем их изменить в той степени, по крайней мере, судя по этим отрывкам, в какой речь идет о макроисторических законах или о законах всеобщего развития. Человек может их использовать, но не изменить.

В этих фундаментальных положениях объективного или объективированного марксизма можно усмотреть двойственность, которую нужно раскрыть и которую марксисты с помощью бесчисленных приемов затушевывали: это проблема совместимости объективированной интерпретации марксизма в терминах «производительные силы» и «производственные отношения» (так как в отрывке из «Предисловия К критике политической экономии», который я вам приводил, нет социальных классов) и интерпретации исторического развития, исходя из

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 6—7.

⁶ Там же. Т. 4. С. 424.

классовой борьбы. На мой взгляд, вполне возможно совместить обе интерпретации. Но это можно сделать только либо исходя из метанауки, либо исходя из теории, допускающей одновременно объективированную историю, развивающуюся в соответствии с неумолимыми законами, и историю, направляемую классовой борьбой, то есть в любом случае направляемую реакцией людей на окружающую среду. Другими словами, достаточно сопоставить марксистскую формулу производительных сил и производственных отношений и тезис о классовой борьбе, чтобы обнаружить проблему, которая мучила французских экзистенциалистов на протяжении двадцати лет. Это проблема субъектно-объектных отношений: каково соотношение между объективированной историей, подчиняющейся законам, и сознанием или волей людей? Как сочетать интерпретацию посредством неумолимых законов исторического развития и историю, излагаемую с помощью понятия классовой борьбы? Это проблема, которую Сартр, Мерло-Понти и Альтюссер попытались решить каждый по-своему и исходя из собственной метанауки.

Перевод с французского И. А. Гобозова